

ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие и рынок: споры и камни преткновения*

К. Бортолотто

Для цитирования: Бортолотто К. ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие и рынок: споры и камни преткновения // Правоведение. 2020. Т. 64, № 1. С. 80–92.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.107>

В статье рассматриваются взаимосвязи нематериального культурного наследия (Intangible Cultural Heritage, ICH) и рынка на фоне переориентации приоритетов ЮНЕСКО на устойчивое развитие. Основываясь на наблюдениях за заседаниями руководящих органов Конвенции по охране нематериального культурного наследия, автор анализирует противоречия, порожденные рисками чрезмерной коммерциализации ICH, между субъектами нормотворческой деятельности, связанной с разработкой «хорошего» управления наследием. Хотя необходимость согласования рынка и наследия официально признана, включение той или иной коммерческой практики в перечень ICH ЮНЕСКО квалифицируется многими такими субъектами как травматическое. Дискуссия, вызванная выработкой документов по этой теме в руководящих органах Конвенции, проливает свет на противоречивое восприятие взаимосвязи между рынком и ICH. При рассмотрении идеи коммерциализации без чрезмерной коммерциализации, предложенной упомянутыми субъектами для разрешения напряженности между наследием и рынком, в статье подчеркивается конститутивная двусмысленность Конвенции. Эта концепция, основанная на идеях «незаконного присвоения» и «деконтекстуализации», является частью логики понятия интеллектуальной собственности. Однако Конвенция явно была разработана в рамках альтернативной парадигмы, подчеркивающей культурный динамизм и общность культурного достояния. В то время как предприниматели, имеющие дело с таким наследием на местах, переходят от одного правового режима к другому, прагматично и стратегически используя правовые рамки, основанные на принципиально иной логике, эта непоследовательность порождает нормативные головоломки для субъектов, сопричастных официальным органам Конвенции, разрывающихся между режимом собственности и режимом наследия и обосновывающих существование данных режимов различными концепциями моральной экономики. Таким образом, в рамках Конвенции принцип коммерциализации без чрезмерной коммерциализации представляет собой хрупкий компромисс, отражающий напряженность между различными режимами внешнего регулирования отношений, существующих внутри традиционной культуры.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, Конвенция по охране нематериального культурного наследия, коммерциализация, моральная экономика, правовой режим наследия, рынок, устойчивое развитие.

Бортолотто Кьяра — PhD антропологии, Школа высших социальных наук (EHES), Франция, 75006, Париж, Распайл, 105; chiara.bortolotto@ehess.fr

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Agence Nationale de la Recherche (Франция) в рамках проекта «Противоречия ЮНЕСКО: формирование наследия в рамках глобального управления» ANR-14-ACHN-0006-01.

Автор благодарит участников онлайн-конференции «ЮНЕСКО и культурное наследие» (СПбГУ, 18.05.2020) за высказанные замечания, которые обогатили статью, а также А. Д. Рудокваса за перевод на русский язык.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Введение

В 2019 г. The New York Times опубликовала статью «Глобальный шопинг с ЮНЕСКО в качестве вашего гида», где подробно показывается, как списки нематериального культурного наследия (Intangible Cultural Heritage; далее — ИСН, наследие) могут быть использованы культурными покупателями для выбора «произведений искусства и ремесел, имеющих историческое значение». Эти списки не только повышают коммерческую привлекательность ремесел, признанных ИСН, но и, как говорится в статье, рекомендуют культурным туристам испытать «поистине нематериальные впечатления», например в венских кофейнях, предлагающих «идеальный привал, когда усталым покупателем... нужен перерыв»¹.

Даже если в рамках Конвенции об охране нематериального культурного наследия² (далее — Конвенция ИСН, Конвенция) в качестве ИСН и объекта охраны и передачи признаются только «практики, представления, выражения, знания, навыки» (ст. 2), а не их результаты и продукты, последние являются тем, что предлагается в качестве товара на мировом рынке и вызывает интерес глобальных потребителей. Как следует из статьи в New York Times, списки наследия ЮНЕСКО наделяют критическую символическую добавленную стоимость потенциальным глобальным экономическим воздействием и, следовательно, играют роль виртуального большого базара для культурных потребителей. Как утверждают специалисты по маркетингу, эти списки функционируют в качестве бренда, предоставляющего желанное «одобрение или печать одобрения»³, аналогично системе франчайзинга⁴, хотя иногда только с эффектом плацебо⁵.

Это особенно верно для списков ИСН⁶, поскольку коммерциализация часто выступает не внешним фактором, как это происходит с памятниками и памятными местами, а внутренним компонентом социальных и культурных практик, обозначаемых как ИСН. Действительно, некоторые из этих практик на самом деле могут быть поняты именно как коммерческая деятельность⁷, и даже когда они превращаются в наследие, сама их жизнеспособность зависит от маркетинга их продуктов. Другими словами, рынок — это один из аспектов, которые делают ИСН «живым наследием». Продажа пиццы, духов, пива или кимчи поддерживает такие практики,

¹ Mohn T. Global Shopping with UNESCO as Your Guide // New York Times. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/21/style/global-shopping-unesco-guide-germany-hungary.html> (дата обращения: 08.07.2019).

² The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Paris: UNESCO, 2003. — Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2003 г. По состоянию на июнь 2020 г. была ратифицирована 178 государствами-участниками.

³ Ryan J., Silvanto S. A Brand for All the Nations: The Development of the World Heritage Brand in Emerging Markets // Marketing Intelligence and Planning. 2011. No. 29 (3). P. 305–318.

⁴ Adie B. A. Franchising Our Heritage: The UNESCO World Heritage Brand // Tourism Management Perspectives. 2017. No. 24. P. 48–53.

⁵ Adie B. A., Michael H. C., Prayag G. World Heritage as a Placebo Brand: A Comparative Analysis of Three Sites and Marketing Implications // Journal of Sustainable Tourism. 2018. No. 26 (3). P. 399–415.

⁶ Конвенция устанавливает два списка: Репрезентативный список нематериального культурного наследия Человечества (The Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity) и Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране (The List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding). Первый направлен на то, чтобы проиллюстрировать разнообразие ИСН и повысить осведомленность о его важности, второй — на мобилизацию международного сотрудничества и помощи для принятия мер по охране культурных проявлений, которые, как считается, нуждаются в срочных мерах по их сохранению. Реестр надлежащей практики охраны содержит программы, проекты и мероприятия, наилучшим образом отражающие принципы и цели Конвенции.

⁷ Broude T. Mapping the Potential Interactions between UNESCO's Intangible Cultural Heritage Regime and World Trade Law // International Journal of Cultural Property. 2018. No. 25 (4). P. 419–448.

как «Искусство неаполитанской пиццерии», «Навыки, связанные с парфюмерией в Pays de Grasse», «Пивная культура в Бельгии», «Кимджанг, изготовление и совместное использование кимчи в Республике Корея» и «Традиции изготовления кимчи в Корейской Народно-Демократической Республике», а ведь все перечисленное — это элементы, внесенные в списки ИСН ЮНЕСКО.

Нематериальное культурное наследие выводит на первый план запутанность отношений между рынком и наследием, поскольку коммерциализация присуща последнему, а также потому, что рост значения ИСН пересекался с мандатом ЮНЕСКО по учету приоритетов устойчивого развития ООН в течение последнего десятилетия. В рамках обозначенных целей существования категории ИСН необходимость решения проблемы коммерциализации обострилась, что привело к принятию Оперативных директив по коммерциализации № 116 и 117⁸, рассматриваемых среди очень немногих попыток ЮНЕСКО непосредственно заняться экономикой наследия⁹. Несмотря на упомянутый официальный сдвиг, ЮНЕСКО, похоже, не очень комфортно воспринимает тот факт, что «рынок не является врагом наследия»¹⁰. В данной статье я исследую нежелание коммерциализации и выясняю, как оно отражает внутреннюю двусмысленность Конвенции, разрывающей между конфликтующими концепциями моральной экономики.

1. Коммерциализация как нормативная головоломка

Субъекты наследия на местах действуют как субъекты предпринимательства, наделяющие себя потенциалом посредством превращения культурного капитала в экономический капитал и повышения оценки культурно выделяющихся продуктов и услуг¹¹. Такие субъекты рассматривают свои культурные ценности не только как «новую основу для накопления капитала»¹², но и как мощные инструменты расширения прав и возможностей и повышения устойчивости. Авторы одного из исследований предполагают, что коммодификация не обязательно идет вразрез с утверждением культурной идентичности и в силах фактически обеспечить чувство свободы воли и способ самоконструирования, который вместо того, чтобы порождать отчуждение, может повысить чувство гордости у культурных производителей¹³. В таких процессах валоризация благодаря культурному признанию увеличивает экономическую ценность предметов, превращенных в наследие. Рост экономической ценности, в свою очередь, вызывает повышение значимости неэкономических аспектов этих предметов¹⁴.

⁸ Operational Directives for the Implementation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. 2018. URL: Available at: <https://ich.unesco.org/en/directives> (дата обращения: 08.07.2019).

⁹ *Lixinski L.* International Heritage Law and the Market // *International Heritage Law for Communities*. 2019. No. 3 (2). P. 127–167.

¹⁰ *Lixinski L.* Commercializing Traditional Culture: Promises and Pitfalls in the Convergence of Intellectual Property Law and Cultural Heritage Law // *Annali Italiani Del Diritto d'autore, Della Cultura e Dello Spettacolo*. 2020. P. 8.

¹¹ *Meskel L.* The Nature of Heritage: The New South Africa. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012.

¹² *Coombe R. J.* The Expanding Purview of Cultural Properties and Their Politics // *Annual Review of Law and Social Science*. 2009. No. 5 (1). P. 402.

¹³ *Comaroff J. L., Comaroff J.* *Ethnicity, Inc.* Chicago Studies in Practices of Meaning. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

¹⁴ *Kirshenblatt-Gimblett B.* Intangible Heritage as Metacultural Production // *Museum International*. 2014. No. 66 (1–4). P. 163–174.

Разнообразие способов использования наследия позволяет «предпринимателям наследия»¹⁵ использовать множественные и гибридные методы оценки, что дает возможность примирить наследие, понимаемое как воплощение идентичности группы, и ее отчуждаемость. Социальные субъекты, вовлеченные во взаимодействие с наследием на этой основе, прагматично используют Конвенцию ИСН, основываясь на собственном ее понимании и на конкретных потребностях каждой ситуации. Они часто находят пути осмысления взаимного наложения культурных аспектов наследия и рынка, иногда стратегически используя различные правовые рамки, основанные на принципиально разных логиках. Случай рисования песком в Вануату, признанный ЮНЕСКО в 2003 г. в качестве ИСН, демонстрирует, как народное понимание собственности и отчуждаемости приводит к уменьшению поляризации таких категорий, как наследие и рынок¹⁶.

Субъекты, действующие внутри официальных органов Конвенции, где определения и цели наследия устанавливаются для формирования политических принципов и выработки «правил для мира»¹⁷ в сфере политики в области наследия, не разделяют той же легкости, что и практикующие признанную наследием деятельность на местах. Ожидая обоснованных объективных оценок, которые могут быть использованы при принятии политических решений, вышеупомянутые субъекты рассматривают один и тот же вопрос с другой точки зрения. Предполагается, что их оценки согласуются с конкретными политическими рамками, в границах которых данных субъектов просят вмешаться. В этом смысле обязанность последних состоит в том, чтобы осмыслить отдельную ситуацию через призму Конвенции так, чтобы это соответствовало ее духу и принципам. Указанные субъекты несут заметную ответственность, ведь то, что они говорят, будет иметь очень конкретные последствия, поскольку «слово эксперта — это активное слово»¹⁸.

Именно эти субъекты, находящиеся в данной конкретной нормативной позиции, и являются предметом последующего анализа¹⁹. Хотя они также участвуют в довольно неформальных мероприятиях, таких как публичные дебаты или

¹⁵ Pfeilstetter R. Heritage Entrepreneurship. Agency-Driven Promotion of the Mediterranean Diet in Spain // *International Journal of Heritage Studies*. 2015. No. 21 (3). P. 215–231.

¹⁶ Geismar H. *Treasured Possessions: Indigenous Interventions into Cultural and Intellectual Property*. Durham; London: Duke University Press, 2013.

¹⁷ Barnett M., Finnemore M. *Rules for the World: International Organizations in Global Politics*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004.

¹⁸ Heine N. *Des Valeurs. Une Approche Sociologique*. Paris: Gallimard, 2017. P. 54.

¹⁹ Мое исследование основано на мультисетевом, многоуровневом и «многопозиционном» (Sapignoli M. *A Kaleidoscopic Institutional Form: Expertise and Transformation in the UN Permanent Forum on Indigenous Issues* // *Palaces of Hope: The Anthropology of Global Organization* / ed. by M. Sapignoli, R. Niezen. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 80) сопричастном наблюдении за имплементацией Конвенции ИСН. Я наблюдала за межправительственными переговорами по разработке Конвенции в 2003 г., а затем присутствовала на ежегодных совещаниях Межправительственного комитета по охране ИСН с 2009 г. (на Бали, в Абу-Даби, Париже, Баку, Виндхукке, Аддис-Абебе, на острове Чеджудо, в Порт-Луи и Боготе). Кроме того, я следила за сессией 2010 г., проходившей в Найроби, по подкасту и регулярно оказывала помощь в проведении двухгодичных сессий Генеральной Ассамблеи государств-участников в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже и ряда совещаний экспертов по всему миру. Помимо осуществления наблюдения со стороны руководящих органов Конвенции, я активно участвовала в ее имплементации лично. С 2007 по 2009 г. я участвовала в кампании инвентаризации ИСН, начатой Министерством культуры Франции, а с 2012 г. заседаю в Комитете по этнологическому и нематериальному наследию (Comité du patrimoine ethnologique et immatériel), созданном для консультирования Министра культуры Франции по вопросам имплементации Конвенции ИСН. С 2013 по 2015 г. я участвовала в подготовке номинации для включения в Репрезентативный список ИСН фестиваля Luminara в Пизе (Италия). С 2011 г. я выступаю в официальном качестве фасилитатора (facilitator) в нескольких европейских странах в рамках программы ЮНЕСКО «Наращивание потенциала».

семинары по наращиванию потенциала, их нормотворческая деятельность особенно актуальна в более формализованных ситуациях, особенно в руководящих органах Конвенции ЮНЕСКО: Генеральной Ассамблее государств-участников и Межправительственном комитете по охране ЮНЕСКО (далее — Комитет)²⁰. В то время как Генеральная Ассамблея председательствует в управлении Конвенцией, Комитет определяет мягкое руководство²¹, которое формирует нормативные представления об ЮНЕСКО. Комитет, состоящий из дипломатов и правительственных экспертов в области ЮНЕСКО, отвечает за включение элементов, предложенных государствами-участниками, в международные списки. Его рассмотрение основано на рекомендациях оценочного органа (evaluation body)²², состоящего из представителей организаций гражданского общества, действующих в области наследия, и лиц, назначенных государствами, которые обычно работают в правительственных агентствах наследия. Нормативные головоломки этих субъектов особенно интересны тем, что, узаконив некоторые подходы к охране как «хорошую практику» или запретив другие как неуместные, они способствуют «хорошему» управлению наследием на глобальном уровне и тем самым адаптируют официальные представления о наследии.

В рамках упомянутых процедур включение того или иного элемента в список ЮНЕСКО рассматривается как деликатная обязанность для лиц, работающих в оценочном органе или в делегациях членов Комитета, поскольку создает прецеденты и примеры, а значит, служит определению на практике самой концепции нематериального культурного наследия. Как отметил албанский делегат на заседании Комитета, состоявшемся в Найроби в 2010 г., эта ответственность особенно чувствительна в том, что касается экономических вопросов. Он подчеркнул, что превращение Конвенции в «неопределенный документ, открывающий доступ ко всем формам коммерциализации и фольклоризации», подорвет ее будущий авторитет (ITH/11/6.COM/CONF.206/4 Rev.: 29)²³. Как я указываю в следующем разделе, этот дискомфорт, связанный с рынком, не является изолированной перспективой для субъектов ЮНЕСКО, взаимодействующих в связи с Конвенцией в нормативной перспективе.

2. Травма вторжения рыночных отношений в храм наследия

Действительно, когда дискуссия о наследии/рынке входит в нормативную сферу ЮНЕСКО, она порождает споры и переживания. В течение последних лет оценочный орган и Комитет регулярно поднимали экономические вопросы, особенно при обсуждении тех кандидатур на внесение в список наследия, которые связаны с ремеслами и продовольствием. Первые весьма спорные с этой точки

²⁰ Генеральная Ассамблея является суверенным органом Конвенции. Она формируется всеми государствами-участниками и собирается один раз в два года. Комитет состоит из представителей 24 государств-участников, избираемых Генеральной Ассамблеей на четырехлетний срок в соответствии с принципами справедливого географического представительства и ротации. Комитет собирается на очередные сессии один раз в год.

²¹ См. об этом: *Larsen P. B. The Politics of Technicality. Guidance Culture in Environmental Governance // The Gloss of Harmony: The Politics of Policymaking in Multilateral Organizations / ed. by B. Müller. London: Pluto Press, 2013. P. 75.*

²² Оценочный орган назначается Комитетом и состоит из шести экспертов, представляющих государства-участники, не являющиеся членами Комитета, и шести представителей неправительственных организаций, аккредитованных при Конвенции.

²³ Здесь и далее документы ЮНЕСКО цитируются с использованием системы ссылок Организации. Там, где нет ссылки, цитата взята из моих полевых заметок.

зрения номинации, такие как «Средиземноморская диета» (Mediterranean Diet) или «Гастрономическая трапеза французов» (Gastronomic Meal of the French), были внесены в список наследия в 2010 г. и стали объектом интенсивных дипломатических закулисных переговоров перед сессией Комитета. Даже если публичные дебаты во время заседания Комитета не допускали официальной критики, делегаты государств или представители некоммерческих организаций часто комментировали в ходе неофициальных обменов мнениями то, что они воспринимали как трудную интеграцию в сфере наследия. Например, эксперт по наследию из Юго-Восточной Европы призналась мне, насколько она противится внесению в список наследия средиземноморской диеты, которая, по ее мнению, не соответствует сфере действия Конвенции, поскольку «это (коммерческий аспект) не входит в сферу деятельности ЮНЕСКО, которое по определению вносит в список элементы ИСН на основе их культурной ценности». Несмотря на счастливый финал, внесение в список наследия упомянутой «Гастрономической трапезы французов» (Gastronomic Meal of the French) все еще квалифицируется в среде ЮНЕСКО как травматическое из-за очевидного коммерческого аспекта, лежащего в основе данного проекта²⁴.

Однако процесс такого «травмирования» только начинался. В десятилетие, последовавшее за включением в состав наследия «Гастрономической трапезы французов», подобная дезориентация возникла по поводу понятий «пивная культура» и «искусство неаполитанской пиццерии». Часто именуемые просто «пивом» и «пиццей», как будто понятия «культура» и «искусство», выделенные в их полных официальных названиях, были просто необязательны, эти элементы постоянно описываются в неофициальных беседах как самые скандальные в истории Конвенции случаи внесения в список наследия. Действительно, ходят слухи, что пицца оказалась «трудным» элементом, требовавшим большого обсуждения в оценочном органе, и итальянскому послу в ЮНЕСКО было трудно бороться за номинацию в коридорах организации, или что пиво удалось номинировать только благодаря искусному составлению заявки со стороны кого-то, кто знал «правильные слова», чтобы использовать их во избежание смущения в оценочном органе. Хотя ни один официальный голос не был явно подан против включения в состав наследия «искусства неаполитанской пиццерии», через несколько минут после провозглашения такового один из отцов-основателей Конвенции и признанный лидер в ее имплементации на международном уровне подошел ко мне и, качая в отчаянии головой, поделился своим разочарованием и горем: «Это действительно означает смерть Конвенции».

Слова «травма» и «скандал» используются экспертами международного наследия в связи с применением Конвенции в качестве маркетингового инструмента для продвижения популярных товаров, укоренившихся в коммерческом обороте, часто в интересах крупных компаний. Один из членов оценочного органа объяснил мне свою позицию не как протест против экономического использования ИСН (потому что «сообщества должны есть»), а как опасение использования Конвенции в качестве «бренда для капиталистических практик». На протяжении многих лет критика коммерческого использования ИСН также касалась предметов, которые гораздо менее известны, чем пицца или пиво. Один из примеров — белорусское шаповальство (войлочное производство), причем он упоминается в негативном

²⁴ См. подробнее: *Bortolotto C. Como Comerse Un Patrimonio: Construir Bienes Inmateriales Agroalimentarios Entre Directivas Técnicas y Empresariado Patrimonial // Revista Andaluza de Antropología. 2017. No. 12. P. 144–166. URL: <http://www.revistaandaluzadeantropologia.org/uploads/raa/n12/bortolotto.pdf> (дата обращения: 08.07.2019).*

контексте, несмотря на протесты делегации Беларуси о том, что 30 войлочников работали на семейном уровне без торговых точек и «во время рождественского фестиваля продали всего пару сотен изделий». Оценочный орган неодобрительно отнесся и к коммерческим последствиям ткачества Моси в Хансанском районе Кореи, и к аналогичным аспектам Фичи-Чамбалаалле, новогоднего праздника народа Сидама, представленного Эфиопией.

Осуждение рынка как угрозы для охраны ИСН не является бесспорным в рамках дебатов Комитета ИСН. Именно для того, чтобы поставить под сомнение эту перспективу, Сент-Люсия выступила в поддержку панамской номинации «кустарные процессы и методы производства растительных волокон для талька». Номинация подверглась нападкам за то, что склонна «слишком много внимания уделять коммерциализации шляп Пинтао путем создания новых образцов»; по мнению оценочного органа, это «может не отражать целей Конвенции» (ITH/17/12.COM/11.b: 7). Сент-Люсия подчеркнула необходимость определения «того, что называется коммерциализацией», попросив продолжить обсуждение этой концепции, пока комитет не примет «общий негативный подход к ней, как если бы она была плохой во всех отношениях».

На необходимость согласования коммерческой и охранной деятельности (а не восприятие их как противоречащих друг другу) действительно неоднократно указывалось в дебатах Комитета со времени одной из первых публичных дискуссий о взаимоотношениях между рынком и ИСН, вызванной выдвижением в 2012 г. номинации на включение в список срочной охраны «Ала-кииз» и «Шырдак» — искусства кыргызских традиционных войлочных ковров. Жизнеспособность этой практики оказалась под угрозой из-за отсутствия интереса со стороны новых поколений, слабой поддержки правительства и доминирования недорогих синтетических ковров. Таким образом, меры защиты, описанные в номинации, включали в себя действия, направленные на развитие ковровой промышленности. Однако оценка досье показала, что защитные меры оказались чрезмерно сосредоточены на экономических целях, и было предложено не включать этот элемент в состав наследия. Кроме того, некоторые члены западноафриканского комитета сочли экономические последствия тревожными, выразив обеспокоенность тем, что коммерциализация может «вытеснить культурную сущность этого элемента». Кыргызская делегация выразила решительное несогласие, объяснив, что прочные связи с рынком являются единственным шансом на выживание этого ремесла и что такие связи не подорвут его культурную ценность. После продолжительного обсуждения членов Комитета данный элемент был включен, несмотря на негативное мнение оценочного органа.

Марокко, в частности, предложило Комитету занять четкую позицию по этому вопросу, который стал таким важным и противоречивым при выдвижении кандидатур на включение в список наследия, особенно тех, которые касались ремесел. Делегат из Марокко задал вопрос: следует ли государствам соблюдать осторожность в отношении рыночных вопросов и благоразумно ли «игнорировать упоминание коммерческого аспекта ремесел», или следует «рассматривать коммерциализацию как неотъемлемую меру защиты этого элемента». Кроме того, он настаивал на том, что Комитету нужно найти баланс между охраной и коммерциализацией. Обсуждая этот проект решения, несколько членов Комитета признали важность рынка в обеспечении защиты ИСН и необходимость согласования этих двух аспектов, а не рассмотрения их как противоречащих друг другу. Другие придерживались мнения, что права интеллектуальной собственности являются основополагающим инструментом, если практикующие специалисты хотят извлечь выгоду из коммерциализации своей продукции.

3. Коммерциализация без чрезмерной коммерциализации

Предыдущие примеры показывают, что взаимодействие между наследием и рынком остается спорным вопросом для тех, кто устанавливает стандарты на международном уровне. Во время встречи, организованной на национальном уровне для обсуждения инициатив по включению коммерческой практики в список наследия, посол одной европейской страны в ЮНЕСКО выразился так: «Хорошо известно, что есть две группы: старые и новые, сторонники строгого прочтения Конвенции и сторонники ее либерального прочтения». В качестве компромисса Комитет выдвинул идею коммерциализации без чрезмерной коммерциализации. Это расплывчатое решение действительно имеет преимущество, так как обеспечивает определенную степень гибкости. На самом деле, следует ли рассматривать коммерциализацию ИСН как форму «устойчивого развития» и «креативной экономики» или как угрозу культурным процессам? На этот вопрос официальный голос ИСН ЮНЕСКО не смог ответить однозначно, тем самым препятствуя любому установлению общего правила.

Оценочный орган регулярно повторяет, что коммерциализация «не является априори дисквалифицирующим фактором» (ITH/09/4.COM/CONF.209/INF.6: 6) или «обязательно нежелательной» (ITH/18/13.COM/10: 11), поскольку она может обеспечить получение дохода для носителей, но одновременно предупреждает, что чрезмерная коммерциализация «способна нанести ущерб социальным и культурным функциям и жизнеспособности» (ITH/13/8.COM/4: 8) нематериального культурного наследия. Дебаты в Комитете настаивают на необходимости баланса между рынком и охраной, указывая, что коммерциализация «не должна быть чрезмерной», отдавая охране роль второстепенной цели. Однако превышение уровня коммерциализации рассматривается не только как вопрос степени. Это разграничение также подчеркивает, что акторы, участвующие в маркетизации, не считаются легитимными. Таким образом, ответ на вопрос о том, хороша коммерциализация или плоха, также зависит от деятельности сообществ и их роли в качестве инициаторов или жертв коммерциализации. Действительно, включение того или иного элемента в состав ИСН иногда может принести экономическую выгоду национальной туристической индустрии, а не людям, непосредственно связанным с внесением в список элементом²⁵. На семинаре авторитетный академический специалист по ИСН отметил: «Как мы можем молчать, когда крупные компании крадут традиционный дизайн и продают его в аэропорту? Если это сообщество продает свою культуру, то коммерциализация является защитной мерой, но если этим занимаются компании, частные субъекты или ученые, то это культурное присвоение».

Упомянутые опасения перекликаются с тем, что Дороти Нойес описывает как «репрезентативный анекдот об угрозе традиционной культуре, который изображает многонациональную корпорацию, присваивающую созданное изолированной коренной группой»²⁶. В таких случаях, по ее словам, «сообщество/необщина... представляется четким бинарным понятием», информирующим о различии между эксплуатацией извне и использованием или развитием изнутри, которые являются частью категорий Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)²⁷. Выделяя коммерческую деятельность, приносящую выгоды за пределами сообщества, чрезмерную коммерциализацию отождествляют с опасениями

²⁵ *Kyoim Y.* The Economic Imperative of UNESCO Recognition: A South Korean Shamanic Ritual // *Journal of Folklore Research.* 2015. No. 52 (2–3). P. 181–198.

²⁶ *Noyes D.* The Judgment of Solomon: Global Protections for Tradition and the Problem of Community Ownership // *Cultural Analysis.* 2006. No. 5. P. 31.

²⁷ *Ibid.*

незаконного присвоения и деконтекстуализации, а следовательно, и с логикой интеллектуальной собственности.

Даже если Конвенция была вызвана опасениями «разграбления», «деструктивной транскulturации» или «неправомерного присвоения»²⁸, она стала попыткой подтвердить введенный Конвенцией о всемирном наследии (World Heritage Convention) переход от режима собственности, сосредоточенного на «контроле владельца, выражающемся в его способности отчуждать, эксплуатировать и исключать других от рассматриваемого объекта или места», к режиму наследия, основанному на ответственности за заботу, передачу и бережное отношение к этим объектам или местам²⁹. Эти два режима представляют собой «различные домены», основанные на свойственных каждому из них правах и этике³⁰. Согласно Бендиксу и Хафстейну, подобный сдвиг режимов может быть понят в терминах принципов исключительности/инклюзивности, которые лежат в основе учреждения коллективных субъектов. Предполагается, что «субъект права на культурные ценности по умолчанию является исключительным, подверженным незаконному присвоению и имеет право на реституцию; субъект культурного наследия склонен быть инклюзивным субъектом, коллективным “мы”, призванным к сплочению, чтобы предотвратить деградацию и потерю, а не кражу другим»³¹.

Действительно, юридическая наука выделила фундаментальные философские различия и конкурирующие цели этих подходов³². Данные различия особенно очевидны в отношении экономических аспектов. Право интеллектуальной собственности (далее — ИС) ставит во главу угла экономику, поскольку оно базируется на индивидуализме частного права и изначально смотрит в будущее, нацеливаясь на инновации. Напротив, правовое регулирование отношений, связанных с ИСН, не имеет экономических целей, будучи основано на публичном праве и, таким образом, ориентировано на общественные (а не на индивидуальные) интересы и направлено на сохранение связи между наследием как объектом охраны и породившим его прошлым³³. Эти два правовых режима особенно расходятся по отношению к фактическому объекту их охраны: в то время как инструменты ИС направлены на защиту продуктов определенной культурной практики, Конвенция ИСН фокусируется на самих социальных и культурных процессах³⁴.

Договаривающиеся государства отбросили первоначальные аргументы в пользу охраны ИСН в рамках режима ИС, который «превратил бы ИСН не просто в товар, но в товар, являющийся собственностью»³⁵. В конце концов они пришли к согласию, что охрану ИСН нужно рассматривать в широкой перспективе с акцентом на передачу культурных процессов, а не на их правовую защиту, осно-

²⁸ Основные проблемы выражены в письме, направленном в 1973 г. Министерством иностранных дел и религии Боливии Генеральному директору ЮНЕСКО (IGC/XII/12; LA. 73/CONF.005/12). В официальной историографии Конвенции это письмо рассматривается как основополагающее событие, вызвавшее интерес ЮНЕСКО к ИСН.

²⁹ См. об этом: *Pratt L. V., Keefe P. J. O.* “Cultural Heritage” or “Cultural Property”? // *International Journal of Cultural Property*. 1992. No. 1 (2). P.310.

³⁰ См. подробнее: *Hafstein V. Tr., Skrydstrup M.* Heritage Vs. Property: Contrasting Regimes and Rationalities in the Patrimonial Field // *Routledge Companion to Cultural Property* / eds J. Anderson, H. Geismar. Oxford; New York: Routledge, 2017. P.38–53.

³¹ *Bendix R., Hafstein V. Tr.* Culture and Property. An Introduction // *Ethnologia Europaea*. 2009. No. 39 (2). P.9.

³² См. об этом: *Lixinski L.* Commercializing Traditional Culture. P.9–15.

³³ *Ibid.*

³⁴ См. подробнее: *Bortolotto C.* From Objects to Processes: UNESCO’s Intangible Cultural Heritage // *Journal of Museum Ethnography*. 2007. No. 19. P.21–33.

³⁵ *Lixinski L.* Commercializing Traditional Culture. P.5.

ванную на праве собственности и направленную на экономическое использование их конечных продуктов. В режиме наследия, сформированном такими ценностями, как неотчуждаемость, которая позволяет делиться, но не монополизировать, вышеупомянутая идея транскulturации не рассматривается как разрушительный фактор. Вместо этого она ценится как элемент обобществления наследия³⁶.

Концепция коммерциализации без чрезмерной коммерциализации привносит в Конвенцию логику понятия собственности, которая явно находилась под запретом при разработке этого нормативного документа. Введение данного понятия отражает необходимость прояснения некоторых форм маркетизации ИСН для того, чтобы оно стало «живым наследием», полностью укоренившимся в потоке социальной динамики. Это понятие также делает очевидной внутреннюю двусмысленность Конвенции, в соответствии с которой, хотя ИСН явно навязывает «новый порядок ценностей», где использование, в том числе экономическое, хотя и преобладает над всеми другими³⁷, однако же остается нормативно оформленным в рамках наследия, а не режима интеллектуальной собственности. Два указанных режима основаны на противоположных экономических предпосылках и управляются различными моральными принципами. В то время как местные предприниматели, работающие с таким наследием, находят способы ориентироваться в противоречивых концепциях моральной экономики, связанных с этими двумя режимами, подобная двусмысленность сбивает с толку в нормативной перспективе, которая, видимо, согласуется с логикой концепции наследия, лежащей в основе Конвенции.

Заключение

Даже если сам термин «нематериальное культурное наследие» был придуман как негативная реакция на рынок³⁸, в практике имплементации Конвенции вопросы коммерциализации становятся все более актуальными и демонстрируют трудность формирования ИСН всецело в режиме «достояния», который «направлен на изъятие объектов из коммерческой сферы, сохранение их для целей созерцания, размышления и наслаждения»³⁹.

Необходимость согласования рынка и правового режима наследия официально признана, однако субъекты, выступающие с нормативной точки зрения, сталкиваются с травмой нарушения логики той концепции наследия, которая лежит в основе Конвенции. Эти субъекты разделяют озабоченность по поводу того, что интерес к культурным продуктам, а именно к рыночным компонентам ИСН, будет выше, чем интерес к производящим их культурным процессам, признанным в качестве того фактического наследия, которое Конвенция намерена охранять. Поэтому коммерциализацию необходимо сдерживать и регулировать. Условия регламентации последней различают «хорошую» коммерциализацию с выгодой для «сообществ» и «плохую» коммерциализацию, основанную на «незаконном присвоении» и «деконтекстуализации». Это пример того, как ««сообщество» становится

³⁶ См. об этом: *Debarbieux B., Bortolotto C., Munz H., Raziano González C.* Sharing heritage? Politics and territoriality in UNESCO's heritage Lists // *Territory, Politics, Governance*. 2021. Forthcoming.

³⁷ См. об этом: *Cominelli F.* Patrimoine Culturel Immatériel: Paradigmes Économiques, Débats et Perspectives // *Le Patrimoine Culturel Immatériel Au Seuil Des Sciences Sociales*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2020. P. 6.

³⁸ См. подробнее: *Lixinski L.* Commercializing Traditional Culture.

³⁹ *Hutter M.* Economic Perspectives on Cultural Heritage: An Introduction // *Economic Perspectives on Cultural Heritage* / eds M. Hutter, I. Rizzo. Basingstoke: MacMillan Press, 1997. P. 8.

волшебным словом, вокруг которого может формироваться консенсус в условиях международной напряженности по поводу использования традиции»⁴⁰.

Я утверждаю, что идея коммерциализации без чрезмерной коммерциализации демонстрирует, как имплементация Конвенции разрывается между двумя логиками, лежащими в основе регулирования традиционной культуры. Эти две логики отражают различные представления о моральной экономике, базирующиеся на исключительности режима собственности, с одной стороны, и на инклюзивности и обобщественности правового режима наследия — с другой. Таким образом, в рамках Конвенции принцип коммерциализации без чрезмерной коммерциализации воплощает собой хрупкий компромисс, отражающий трудности встречи и примирения упомянутых правовых режимов.

Статья поступила в редакцию: 11 июля 2020 г.
Рекомендована в печать: 28 декабря 2020 г.

UNESCO, Intangible Cultural Heritage and the market: Controversies and stumbling blocks*

Chiara Bortolotto

For citation: Bortolotto, Chiara. 2020. UNESCO, Intangible Cultural Heritage and the market: Controversies and stumbling blocks. *Pravovedenie* 64 (1): 80–92.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.107> (In Russian)

This article considers the relationship between Intangible Cultural Heritage (ICH) and the market in the backdrop of the reorientation of UNESCO's priorities regarding sustainable development. Based on ethnographic observations of the meetings of the governing bodies of the Convention for the safeguarding of intangible cultural heritage, this work analyses the controversies generated by "risks of over-commercialization" of ICH among actors with normative agency for designing "good" heritage governance. While the need to reconcile market and heritage is officially acknowledged, the inclusion of a particular commercial practice on the UNESCO ICH lists is qualified by many actors as "traumatic". The debate spurred within the governing bodies of the Convention by the drafting of these documents sheds light on the controversial perception of the relationship between the market and ICH. In considering the idea of "commercialization without over-commercialization" suggested by actors to resolve the tension between heritage and market, this work highlights a constitutive ambiguity of the Convention. Based on the ideas of "misappropriation" and "decontextualization", this concept is part of the logic of intellectual property. The Convention, however, was explicitly designed within an alternative paradigm emphasizing cultural dynamisms and shared belonging. While heritage entrepreneurs on the ground shift from one regime to the other making a pragmatic and strategic use of legal frameworks based on fundamentally different logics, this inconsistency generates normative conundrums among the actors involved with the official bodies of the Convention, torn between a proprietary and a heritage regime and their different moral economies. In the framework of the Convention, the principle of "commercialization without over-commercialization" embodies therefore a fragile compromise reflecting the tension between different regimes regulating traditional culture.

Keywords: UNESCO, Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, commercialization, moral economies, heritage regimes, market, sustainable development.

⁴⁰ *Noyes D.* The Judgment of Solomon: Global Protections for Tradition and the Problem of Community Ownership // *Cultural Analysis*. 2006. No. 5. P.31.

* The research for this paper was funded by the French Agence Nationale de la Recherche through the project "UNESCO frictions: heritage making across global governance" No. ANR-14-ACHN-0006-01.

This paper greatly benefited from insights offered by colleagues at the conference "UNESCO and Cultural Heritage" held at Saint-Petersburg State University (18 May, 2020).

The author would like to thank in particular Anton Rudokvas for his Russian translation of the text.

References

- Adie, Bailey Ashton. 2017. Franchising Our Heritage: The UNESCO World Heritage Brand. *Tourism Management Perspectives* 24: 48–53.
- Adie, Bailey Ashton, Michael Hall, Colin, Prayag, Girish. 2018. World Heritage as a Placebo Brand: A Comparative Analysis of Three Sites and Marketing Implications. *Journal of Sustainable Tourism* 26 (3): 399–415.
- Barnett, Michael, Finnemore, Martha. 2004. *Rules for the World: International Organizations In Global Politics*. Ithaca and London, Cornell University Press.
- Bendix, Regina, Hafstein, Valdimar Tr. 2009. Culture and Property. An Introduction. *Ethnologia Europaea* 39 (2): 5–10.
- Bortolotto, Chiara. 2007. From Objects to Processes: Unesco's Intangible Cultural Heritage. *Journal of Museum Ethnography* 19: 21–33.
- Bortolotto, Chiara. 2017. Como Comerse Un Patrimonio: Construir Bienes Inmateriales Agroalimentarios Entre Directivas Técnicas y Empresariado Patrimonial. *Revista Andaluza de Antropología* 12: 144–166. Available at: <http://www.revistaandaluzadeantropologia.org/uploads/raa/n12/bortolotto.pdf> (accessed: 08.07.2019).
- Broude, Tomer. 2018. Mapping the Potential Interactions between UNESCO's Intangible Cultural Heritage Regime and World Trade Law. *International Journal of Cultural Property* 25 (4): 419–448.
- Comaroff, John L, Comaroff, Jean. 2009. *Ethnicity, Inc. Chicago Studies in Practices of Meaning*. Chicago, University of Chicago Press.
- Cominelli, Francesca. 2020. Patrimoine Culturel Immatériel : Paradigmes Économiques, Débats et Perspectives. *Le Patrimoine Culturel Immatériel Au Seuil Des Sciences Sociales*. Paris, Éditions de la Maison des sciences de l'homme. Available at: <http://books.openedition.org/editionsms/16080> (accessed: 08.07.2019).
- Coombe, Rosemary J. 2009. The Expanding Purview of Cultural Properties and Their Politics. *Annual Review of Law and Social Science* 5 (1): 393–412.
- Debarbieux, Bernard, Bortolotto, Chiara, Munz, Hervé, Raziano González, Cécilia. 2021. Sharing Heritage? Politics and Territoriality in UNESCO's Heritage Lists. *Territory, Politics, Governance*. Forthcoming. <https://doi.org/10.1080/21622671.2020.1854112>.
- Geismar, Haidy. 2013. *Treasured Possessions: Indigenous Interventions into Cultural and Intellectual Property*. Durham and London, Duke University Press.
- Hafstein, Valdimar Tr., Skrydstrup, Martin. 2017. Heritage vs. Property: Contrasting Regimes and Rationalities in the Patrimonial Field. *Routledge Companion to Cultural Property*, ed. by Jane Anderson, Haidy Geismar, 38–53. Oxford and New York, Routledge.
- Heinich, Nathalie. 2017. *Des Valeurs. Une Approche Sociologique*. Paris, Gallimard.
- Hutter, Michael. 1997. Economic Perspectives on Cultural Heritage: An Introduction. In *Economic Perspectives on Cultural Heritage*, edited by Michael Hutter and Ilde Rizzo, 3–10. Basingstoke: MacMillan Press.
- Kirshenblatt-Gimblett, Barbara. 2014. Intangible Heritage as Metacultural Production. *Museum International* 66 (1–4): 163–174.
- Kyoim, Yun. 2015. The Economic Imperative of Unesco Recognition: A South Korean Shamanic Ritual. *Journal of Folklore Research* 52 (2–3): 181–198.
- Larsen, Peter Bille. 2013. The Politics of Technicality. Guidance Culture in Environmental Governance. *The Gloss of Harmony: The Politics of Policy-Making in Multilateral Organisations*, ed. by Birgit Müller: 75–100. London, Pluto Press.
- Lixinski, Lucas. 2019. International Heritage Law and the Market. *International Heritage Law for Communities* 3 (2): 127–167.
- Lixinski, Lucas. 2020. Commercializing Traditional Culture: Promises and Pitfalls in the Convergence of Intellectual Property Law and Cultural Heritage Law. *Annali Italiani Del Diritto d'autore, Della Cultura e Dello Spettacolo*: 1–15.
- Meskell, Lynn. 2012. *The Nature of Heritage : The New South Africa*. Oxford, Wiley-Blackwell.
- Mohn, Tanya. 2019. Global Shopping with UNESCO as Your Guide. *New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/11/21/style/global-shopping-unesco-guide-germany-hungary.html> (accessed: 08.07.2019).

- Noyes, Dorothy. 2006. The Judgment of Solomon: Global Protections for Tradition and the Problem of Community Ownership. *Cultural Analysis* 5: 27–56.
- Pfeilstetter, Richard. 2015. Heritage Entrepreneurship. Agency-Driven Promotion of the Mediterranean Diet in Spain. *International Journal of Heritage Studies* 21 (3): 215–231.
- Prott, Lyndel V, Keefe, Patrick J. O. 1992. “Cultural Heritage” or “Cultural Property”? *International Journal of Cultural Property* 1 (2): 307–320.
- Ryan, Jason, Silvano, Sari. 2011. A Brand for All the Nations: The Development of the World Heritage Brand in Emerging Markets. *Marketing Intelligence and Planning* 29 (3): 305–318.
- Sapignoli, Maria. 2017. A Kaleidoscopic Institutional Form: Expertise and Transformation in the UN Permanent Forum on Indigenous Issues. *Palaces of Hope: The Anthropology of Global Organization*, eds Maria Sapignoli, Ronald Niezen: 78–105. Cambridge, Cambridge University Press.

Received: July 11, 2020

Accepted: December 28, 2020

Chiara Bortolotto — PhD in Anthropology, École des hautes études en sciences sociales (EHESS), 105, Bd. Raspail, Paris, 75006, France; chiara.bortolotto@ehess.fr